

Скачки — 3 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки — 3 / повесть

* * *

Маленький Еламан больше других ждал завершения скачек. Как только взрослые ушли, он умылся, тщательно, как взрослый, — и руки помыл, и лицо, и шею — а потом побежал к матери, чтоб переодела в чистое. Бахар дала ему свежевystиранную рубашонку, новые штанишки. Облачившись по-праздничному, Еламан сел на бревно, что валялось рядом с колодцем, и стал ждать отца. На улице играли его ровесники: смеясь, передразниваясь, обсыпали друг друга пылью. Как весело им было! Еламан посматривал на них с завистью. Славно было бы побежать к друзьям, но за игрой не заметишь, как испачкаешься, а к Шункару в грязных одеждах подходить нельзя — конь обидится. И дедушка, и отец, когда идут к Шункару, всегда приводят в порядок одежду.

Ничего, вот возвратится отец, тогда все будут завидовать ему, Еламану. Всякий мечтает прокатиться верхом на Шункаре, да не каждому такая честь! Отец посадит его в седло! Он обещал! Вот бы проехать через все село, съездить к бабушке и дедушке... Нет, они живут далеко. Отец никогда к ним не ездит. Еламан бывает у них лишь изредка, когда мама навещает своих родителей. Только с ней он бывает у бабушки и дедушки. А бабушка Гюльрух не любит, когда он говорит ей о Шункаре. «Дался тебе этот конь!.. Еще зашибет копытом... Лучше сливок попей!» — вот как она сказала, вместо того, чтобы обрадоваться.

Она не любит Шункара.

Время тянулось независимо медленно, и, может, впервые в жизни Еламан почувствовал, как тяжело бывает ждать. Несколько раз он забегал в кибитку, спрашивал, когда обещал возвратиться отец, и Бахар всякий раз успокаивала сына: «Вернется, обязательно вернется. Жди...» Но ждать становилось все труднее.

Его терпение было уже на исходе, когда Еламан услышал крики мальчишек: «Шункар! Шункар!». Он стремглав кинулся навстречу отцу.

— А ну, прочь с дороги! — грозно крикнул Мульки, останавливая Шункара.

— Отец, ты же обещал!.. — прошептал Еламан, с трудом сдерживая слезы.

Отец ничего не ответил. Даже не глянул в его сторону.

По дороге домой Мульки в мыслях ясно вообразил, как подъедет к матери и, не замечая завистливых взглядов соседей, отдаст ей ковер. Все шло, как он представлял себе, если бы не Еламан. Из-за мальчишки встреча с родными произойдет не так торжественно, как ему хотелось. Но сегодня Мульки был слишком счастлив, чтобы сердиться на сына.

Он остановил Шункара рядом с Гюльрух-эдже. С необычайно важным видом, наклонившись в седле, протянул ей ковер.

— Я выиграл главный приз, матушка! — добавил он громко, соскакивая на землю.

— Радость ты наша!.. Ты — свет наших глаз, опора нашего дома! Пусть моя жизнь будет за тебя жертвой! Войди в кибитку, позволь напоить тебя чаем, ненаглядный!.. — И тише, чтобы слышал только Мулькаман, сказала: — Я пирог тебе испекла, ты ведь любишь.

— Надо прогулять Шункара.

— Скоро дождь пойдет, душно. Смотри, сынок, как низко ласточки летают.

— Ничего, мама, не страшно...

Гюльрух-эдже, зная, что уговаривать напрасно, пошла к кибитке. Лишь когда бабушка скрылась за пологом, Еламан осмелился напомнить отцу, что тот обещал покатать его на Шункаре. Мульки глянул на сына, увидел его полные слез глаза и усмехнулся:

— Ты кого больше любишь, сынок, — меня или маму?

Еламан — мысли его были сейчас заняты совсем другим: возьмет его отец в седло или нет — растерялся, не понимая, чего от него хотят.

— Ну, так кого же? — нетерпеливо спросил отец.

Губы у Еламана задрожали, он приготовился заплакать.

— Не плачь, джигит! Ты ведь меня любишь, верно? — подсказал отец, подмигнув, — А маму не любишь. Да?..

Еламан кивнул.

— Беги, скажи маме. Потом поедem кататься.

Еламан кинулся к кибитке. Но у порога остановился.

— А что принести, папа?

— Ничего не приноси! — рассмеялся Мулькаман. — Скажи и убегай!

Еламан, до которого только теперь дошел смысл отцовского поручения, стоял в нерешительности.

— Ну, чего ждешь? — спросил Мульки, садясь в седло.

— Мама ругать будет.

— Не бойся, брат! Пока я жив, тебе бояться нечего. А ну, бегом, а то сейчас без тебя уеду.

Желание сесть в седло было так велико, что Еламан забыл обо всем на свете. Еще раз посмотрел на отца и, увидев, что тот тронул поводья, вбежал в кибитку.

— Зачем ты сына такому учишь! — услышал Мульки за спиной голос матери. — Хочешь поругать жену, сам ей все скажи. Плохо так.

Мулькаман, откинувшись в седле, рассмеялся. Пустил Шункара шагом, схватил за руку выбежавшего из кибитки Еламана, поднял его в седло.

— Держи поводья, братишка! Но-о!..

Еламан мечтал проехать по селу, но отец, когда выехали со двора, направил Шункара в сторону зарослей. По дороге они проскакали рысью, но, когда свернули на тропу, уводящую в лес, Шункар пошел шагом. Конь ступал осторожно, точно боялся помять нежную молодую траву. Кустарники и деревья, что росли по обе стороны от тропы, еще несколько дней назад стояли голыми, а теперь покрылись зеленью, пахучей, липкой на ощупь. Молодая листва пока была еще не густой, солнечные лучи легко пробивались сквозь нее. Земля была усеяна солнечными пятнами, словно кто-то щедрой рукой разбросал золотые монеты.

Окружавшие село заросли ханарцы называли своим благословением. Еще бы, ведь те защищали их надежней крепостных стен. Валы барханов давно бы захлестнули Ханар, если бы не эта живая

преграда. Всякое дерево, росшее здесь, в прежние годы было бережно хранимо людьми. Дрова на зиму заготавливали в горах, либо привозили из песков тяжелые стволы саксаула, что горели в очаге жарко, как уголь. Ни у кого и мысли не появлялось рубить тут. С недавних пор все изменилось.

Сыновья Дурды-бая и их дружки тоже знали с детства здесь каждую тропочку – заросли стали их убежищем. Идти в лес в одиночку стало опасно: могли напасть, ограбить, даже убить, но, слава Аллаху, пока такого не было. Заросли, которые всегда были для Ханара защитой, теперь стали его проклятием. Они, казалось, отрезали село от всего мира. Уже никто не решался выехать вечером из дому, отправиться к родственникам или друзьям в соседнее селение, чтобы узнать последние новости, поговорить о своих делах. Иной раз, когда тьма укрывала землю, казалось, что ханарцы остались одни на всем свете. На смельчака, который первым стал заготавливать дрова в зарослях, ханарцы обрушились с упреками. Но теперь все чаще слышался из лесу стук топора. Кое-где заросли заметно поредели, и ханарцы радовались этому: чем скорей удастся лишить басмачей убежища, тем раньше кончится изнурительная осада, которая приносит селу немалые убытки.

– Отец, когда я вырасту, я стану таким, как ты!

Мульки ответил не сразу.

– Эх, брат! Незачем тебе на меня походить. – Еламан удивленно посмотрел на отца. – Да, братишка, нелегко жить, когда тебя никто не понимает. Даже не хочет понять, что у тебя на сердце...

– Все равно буду такой, как ты! Дедушка мне даст Шункара!

Они выехали на полянку, в центре которой чернел след костра. Мульки остановил Шункара, соскочил на землю, снял с седла Еламана.

– Давай здесь остановимся!.. Пока ты вырастешь, уже ни дедушки, ни Шункара не будет.

– Почему?

Мулькаман посмотрел на сына, пожал плечами.

– Если хочешь иметь своего коня, сейчас дедушку попроси, не жди. Наш дедушка, пока его не попросишь, сам ни о чем не

догадается. Вот так, брат! Жизнь он прожил, а жить по-настоящему не научился: деньги нужны человеку, чтобы их тратить. Запомни, братишка: если хочешь, чтоб тебя любили, надо сорить деньгами, не жалеть их — когда умрешь, никто тебе за них спасибо не скажет.

— Я не хочу, чтоб дедушка умирал.

Сердце Мульткамана сжалось от испуга.

— Кто ж этого желает!.. — Он разнуздал Шункара, пустил его пастись. — Ступай, братишка, побегай. Глянь-ка, сколько цветов. — Он указал в сторону одиноко росшей фисташки. — А я полежу, отдохну.

Еламан убежал. Мультки лег на спину, подложил руки под голову. Небо было нежно-голубым, прозрачным, невесомым. В вышине, клубясь, рождались облака. Их очертания поминутно менялись. Парило. Лес, обычно наполненный щебетанием птиц, был сейчас угрюмо тих, и эта непривычная тишина удручала.

Мульткаман прикрыл глаза, легким усилием вызвал образ Курбангуль, и девушка тотчас явилась на его зов, предстала пред его внутренним взором. Лицо ее было спокойным и насмешливым. Невысокая, хрупкая, большие черные глаза заглядывают в самую душу. Припухлые губы чуть приоткрыты, на щеках по обе стороны рта глубокие ямочки. Это они свели Мульткамана с ума. Казалось, вот-вот она рассмеется, кинется убежать, завлекая.

Видение было таким ясным, близким, что подумалось: стоит протянуть руки и девушка окажется в его объятиях. Миг — и он почувствует щекой жаркое ее дыхание, нежную податливость тела под руками. Однако он не настолько еще утратил контроль над собой, чтобы поддаваться этому искушению. Понимал, стоит шевельнуться, стоит лишь чуть-чуть передовериться, как чарующая картина исчезнет, а руки его ухватят пустоту. Идя напролом, действуя руками, с девушками вообще ничего не добьешься, что в мечтах, что наяву. Мульткаман давно понял эту нехитрую истину. Вот против красивых слов ни одна не устоит! Девушки доверчивей, чем дети. Скажешь, что любишь, что жить без нее не можешь — и достаточно. И чем грубее лесть, тем глубже проникает она в девичье сердце. Дурнушка ли, красавица

— все равно. Говорят, что некрасивые девушки — умны. Глупости все это: у них не больше ума, чем у красивых, они только недоверчивей, осторожней. «Может, эта недоверчивость и есть признак ума?..» — скользнула ленивая мысль. Нет, это, конечно, не так. Нарлы — простак, ума у него не больше, чем у коровы, но лестью его не заморочишь. Однажды Мулькаман попробовал подольститься к брату и что же — получил по уху, да так, что в глазах потемнело! Нет, верно все-таки говорят, что «девушек обманывают уши, а мужчин — глаза». Складно сказано!.. Странная вещь, последнее время всякая мудрость, а отец, поучая, так и сыпал присказками, раздражала Мулькамана. Конечно, девушки доверчивы, но обманывает их — нет, не обманывает, притягивает! — другое: всякой хочется войти в семью побогаче, познатнее. Неужели и Курбангуль такая?.. Неужели и у нее корысть на уме?.. Вряд ли, она совсем другая. Разве мало парней-неженатых, из почтенных семей — кружит вокруг нее? словно ночные мотыльки вокруг лампы... Но она предпочла им его, Мулькамана! Уважение, которым пользуется в селе отец, Шункар — лучший конь округи, они — ни при чем. Разве мало у него собственных достоинств, способных увлечь девушку!?.

Несколько недель назад, совершая круг почета, Мульки, возбужденный победой, восторгом людей, встал в седле во весь рост, приветствуя зрителей. С чего ему такое пришло в голову, он теперь и сам объяснить не может. После скачек за это здорово досталось от отца. Но может, зов судьбы его позвал?.. Спустя пару дней, когда он с друзьями пришел на холмы, где девушки пели ляле, к нему, словно случайно, приблизилась Курбангуль, не смея поднять глаз, сказала прерывистым шепотом:

— Ты не боялся?.. А вдруг бы Шункар тебя сбросил?..

— Меня?.. — Мульки хлебом не корми, дай только повод похвастаться. Он сразу нашел нужные слова: — Неужели ты боялась за меня, красавица? Что там — стоять в седле! Все, что мог совершить Героглы¹, а он, сама знаешь, был великий наездник, двадцатью четыремя приемами джигитовки владел — могу ради тебя сделать и я. Хочешь, будешь моей Агаюнус²? —

Кровь прилила к щекам девушки, она еще ниже опустила голову. Мульки, окрыленный вниманием красивой девушки, мог бы говорить до звезд, но тут словно кто-то толкнул его под руку: «Сейчас она уйдет!». И в самом деле: лишь успел он назначить Курбангуль свидание, как кто-то из подружек окликнул девушку. Она убежала и за весь вечер даже ни разу не посмотрела в его сторону, хотя Мульки все время следил за ней.

— Отец, поехали домой, дождь начался.

Голос сына вернул Мульки к реальности. Он нехотя разлепил веки

— в самом деле дождь! Размечтался так, что и не заметил. Он провел ладонью по лицу, стирая дождевые капли. Расставаться с мыслями о Курбангуль не хотелось. Он вспомнил, как во время вчерашней встречи девушка попросила его обрить усы: «От них у меня дрожь по всему телу». Мульки усмехнулся: «Глупая! Сама не знаешь, отчего эта дрожь — быть мне жертвой!».

Он медленно, нехотя сел — глаза оказались вровень с глазенками сына. Еламан смотрел пристально, не мигая. Вот так порою смотрит отец, и от такого взгляда Мулькаману всегда становится не по себе. На миг он почувствовал к сыну неприязнь.

— Холодно. Поехали...

— Не ной!.. От такого дождя растут. — Мулькаман свистом подозвал Шункара. Рукавом халата вытер мокрое седло, посадил сына. — Сейчас поедem!.. — Он сел в седло, двумя руками поправил тельпек. — Пошел, Шункар!..

Еламан, греясь, доверчиво прижался к отцу. От тепла маленького беззащитного тельца сердце таяло. Но мыслями Мульки был по-прежнему рядом с Курбангуль: вот бы проехать с ней по селу, сидя вот так, в одном седле! Агаюнус... Та была мудрой, о Курбангуль такого не скажешь. Но кому нужна женская мудрость?

Красота — вот достоинство женщины! Только неуверенные в себе женятся на некрасивых. Много ли радости, если жена с утра до ночи станет пилить, учить уму-разуму?.. Пусть будет трижды глупая, но красавица, чтоб, как взглянешь на нее, холодок подбирался к сердцу от страха ее потерять. Пусть будет

кокетливой, даже непокорной, — зато какими сладкими покажутся потом ее ласки!..

Мульки хотелось сейчас с кем-нибудь поспорить, но кроме маленького Еламана никого рядом не было. Разве он поймет? Нет, никто не в силах понять его, Мулькамана. Ни один человек на свете. Он одинок. Совсем-совсем один...

Мульки посмотрел на сына, но без любви, как на чужого. «А ведь этот мальчик мое подобие, мое продолжение и оправдание, — подумал он. — Все пройдет, исчезнет, не станет меня самого, лишь Еламан останется единственным напоминанием обо мне. И за это я должен его любить?.. Ради него должен жертвовать своим счастьем?.. Глупо...»

— Ты чей сын?

Мальчик удивленно посмотрел на него, потом что-то вспомнил, улыбнулся:

— Твой.

— Сказал маме, что ее не любишь?

Мальчик молчал.

— Сказал?..

— Да. — Губы ребенка чуть шевельнулись.

— Молодец!.. А что она?

— Мама?

— Мама, мама!.. Она плакала?

Еламан кивнул.

— Если хочешь еще на Шункаре покататься, когда приедем домой, скажешь маме, что она глупая, что она из дому убежала. Понял? Скажешь: «Уходи из нашего дома!». — В глазах ребенка появился испуг. На миг Мулькаману стало его жалко, но он не сумел себя перебороть. — Скажешь: «Тебя здесь никто не любит!»

Мальчик отвернулся, чтобы отец не увидел его слезы.

Деревья стали реже. Впереди виднелось село. Дождь усилился. Если бы не дождь, можно было бы не возвращаться домой, пока не стемнеет. Там ты точно стреноженный. Только и слышишь: «Младший!.. Младший!..» Его-то какая вина в этом! Почему отец не хочет отделить их с Нарлы? Зачем все время показывает свою власть? Нарлы терпит. А может только вид показывает? Надеется,

что отец все оставит ему, любящему, покорному сыну? Дурак. Любит отец как раз его, Мульткамана. Может, поэтому и не выделяет Нарлы? Перед смертью шепнет тайком, где зарыто золото, и все — остальное мое дело. Пройдет немного времени — можно будет с Нарлы не делиться.

Золото... Есть ли оно в самом деле? Отец о Дурды-бае не любит вспоминать. Молчит, не говорит ни хорошего, ни плохого. Но мало ли... В селе никто не верит, что он мог его ограбить. И дети Дурды-бая тоже не верят — иначе бы нам не поздоровилось. Но если ничего нет, если все их богатство — это конь, Шункар, так отчего отец так беспечен, отчего держит себя с первыми людьми на равных, покровительствует бедным, словно владеет сокровищами Каруна1 ?.. За кем тянется, кого хочет обмануть?..

В святой день, по пятницам, в доме Сары-сейиса всегда готовили мясное. Плохо ли, хорошо ли шли дела — варили шурпу, так было заведено. По представлениям ханарцев, кто соблюдал такой порядок, почитался зажиточным. Увы, не все могли так раскошелиться, хотя всякий старался, выбивался из сил, чтоб быть не хуже соседей. И нынче с утра Гюльрух-эдже отдала Бахар загодя припасенный кусок мяса, чтобы та сварила обед. Сначала, правда, отделила небольшой кусок на пироги для Мульткамана, своего любимца. Сделала это, таясь от невесток. Достала из-под одеял завернутый в полотняную тряпицу бараний окорок, отрезала ломоть не больше ладони, а остаток положила на место и только после этого позвала Бахар.

После полудня сыновья Нарлы из дома не отлучались. Присмирившие слонялись по двору, норовя попасть тетке на глаза, и о чем бы Бахар их ни попросила — помогали охотно, не прекословя. Они и хвороста принесли, и огонь в очаге разводили. Да и потом все крутились рядом. К тому времени, как в пыль упали первые капли дождя, шурпа была готова...

— Вернулись, ненаглядные мои! А я заждалась... Дождь такой! Как бы не простудились, думаю. — Гюльрух-эдже, что стояла на пороге

кибитки, вышла навстречу сыну. Подхватила из его рук маленького Еламана. – Беги домой греться! Дрожишь весь!.. А ты, Мульки, зайди ко мне, посиди у очага, пока все не собрались... – добавила она, когда малыш, шлепая босыми ногами по лужам, убежал.

– А где отец?

– Отец твой Сейита Кары пошел навестить. Ждал тебя, перед самым дождем ушел.

– Ждал? – Мулькаман удивленно посмотрел на мать.

– Сам знаешь, пока Шункара нет дома, покоя не знает. Все тревожился: покормить коня хотел, боялся, как бы ты его не простудил...

– Надоело мне это!

– Не говори так, дорогой! Отец ваш сил не жалел, трудился день и ночь, чтобы вы горя не знали. Вывел вас в люди, женил...

– Ничего мне не надо!

– Не серчай, душа моя!.. Пойди, съешь гутап. Не хочу, чтоб дети видели...

Мулькаман ничего не ответил, повел Шункара в затишь. Там он вытер его насухо, накрыл попоной. Побаловал Шункара горстью ячменя. Идти в дом не хотелось. Он подмел денник. Не зная, чем еще занять себя, сел на охапку сена, прислонясь к мокрой камышевой стене загона, долго, ни о чем не думая, смотрел на Шункара.

Потом, когда замерз, пошел домой. Войдя в кибитку, мельком глянул на Бахар. Она вместе с детьми сидела у очага. Было заметно, что она плакала, – веки покраснели от слез. Мульки скинул мокрый халат. Ни слова не говоря, не глядя на мужа, Бахар подняла его, повесила на рогатину сушиться. Так и сидели, молча глядя на огонь, пока не пришло время идти в отцову кибитку.

Уходя, Сары-ага разрешил не дожидаться его. Теперь всякий сел на свое место и, когда в кибитку вбежал, спасаясь от ливня, Нарлы, Гюльрух-эдже сняла крышку с казана, стала разливать шурпу. Первой наполнила деревянную миску Сары-ага, налила немного, на донышко, и отставила ее в сторону. В следующую зачерпнула погуще.

– Соег, свет мой, пойдй, угости тетушку Мамагуль! Да осторожно иди, чтоб не расплескать. – Старший сын Нарлы нехотя встал из-за дастархана, подошел к бабушке. – Вах, хорошо бы позвать ее, да промокнет под дождем...

В это время из-за двери послышалось негромкое покашливание:

– Аю, матушка Гюльрух!..

– Заходи, заходи, соседка! – обрадовалась Гюльрух-эдже.

И Соег тоже обрадовался – не придется идти под дождь.

Мамагуль было чуть больше сорока, но выглядела она старухой: сутулилась, стыдясь своего высокого роста, волосы седые.

– У неба донце совсем прохудилось, – сказала она, протягивая Гюльрух-эдже миску с пловом, которую принесла, прикрыв от дождя полою ветхого засаленного халата. –

Отведайте нашего плова! Мяса совсем немного было, думала-думала, что приготовить, и решила, как в прошлую пятницу, плов сварить. Вы уж не обессудьте... Побегу...

– Во двор не выйти! Проходи, садись поближе к огню.

– Спасибо, матушка Гюльрух! Дети дома одни. Чуть задержусь

– прибегут звать. Ни за что не хотят одни в кибитке сидеть.

Я уж говорю сыновьям: что делать станете, когда женю?..

Мамагуль ушла; но только приготовился Нарлы благословить пищу, как на руках у Нязик заплакал ребенок. Нарлы засопел, свирепо посмотрел на жену.

– Дай внука, невестка, – забеспокоилась Гюльрух-эдже. –

Ужинайте спокойно. А я попозже поем – не умру с голоду.

Она взяла ребенка, отсела в сторону, стала укачивать малыша, чтоб не кричал.

Когда миски опустели и сотворили благодарственную молитву, Нязик принесла глиняный кувшин с чалом, разлила всем. Простокваша была кислой, но Мулькаман выпил ее не поморщившись. О завтрашнем дне надо смолоду думать! Верблюжье молоко дает мужчинам силу, помогает сохранить огонь в крови до старости, до самых последних дней. Ради этого и кислый чал выпьешь!

Вернулся Сары-ага.

Когда отец вошел в кибитку, Мулькаман покраснел, точно ему в чал горсть жгучего перца бросили, низко склонил голову. Если

ложь его раскрылась, что бы отец ни говорил, надо молчать, не прекословить! Отец отходчив. Простит, не в первый раз... Но Сары-ага даже не посмотрел на сына.

— Еле дождался, пока дождь кончится. Видно, у Мухаммед-серке Аллаха добрым словом помянул, а то бы потчевать ему гостей до самой ночи.

— Поторопись ты! — прикрикнула Гюльрух-эдже на Бахар. Ей показалось, что невестка не слишком проворно расстилает корпече. — Проходите к огню, отец. Обмотки мне дайте, посушу. Небось насквозь промокли? А чарыки не снимайте — сыро. Здоров ли Сейит Кары?

— Здоров, — буркнул Сары-ага и только теперь посмотрел на сидевшего рядом с ним сына. — Ты что сегодня творил на скачках? Сколько раз тебе говорил: когда сидишь в седле, о суетном не думай. Почему дал догнать себя? Знаешь же, что Шункар этого не любит!

Мулькаман только ниже опустил голову.

— А зачем ячменя коню давал? — не унимался Сары-ага. — После скачки надо было накормить его хлебом и топленым маслом.

— Ты мне раньше этого не говорил. Как же я стану сейисом...

— Станешь, когда решу, что пришло время.

— Тебя дома не было, я подумал, что конь голоден.

— Молод еще думать! — разозлился Сары-ага. — Пока я за тебя думаю. Это надо ж — ячменем кормить! Как такое только в голову могло прийти! Если хочешь стать сейисом, присматривайся, делай, что велят...

Мулькаман понял, что буря миновала.

— Хорошо, отец.

Все облегченно вздохнули. Вновь под свод кибитки вернулась благодать праздничного вечера, когда людей согревает не столько огонь очага, сколько взаимная любовь и расположенность.

Но тут в тишине раздался звонкий голос Еламана:

— Дедушка, ты не умирай, пока я не вырасту!

Бахар торопливо прижала к себе сына.

Сары-ага поманил Еламана, посадил малыша рядом с собой.

– Непросто твое желание выполнить, – произнес он наконец.
– Постараюсь, раз ты просишь. Умирать-то и самому не хочется.

– Сначала коня мне купи. – Еламан осмелел. – Такого, как Шункар.

– Заткнись! – крикнул на сына Мулькаман.

– Не брани его – он ведь ребенок. – Сары-ага улыбнулся внуку, погладил его по щеке. – Придет время – будет у тебя конь. А просить ничего не надо, жди, когда дадут...

– А папа сказал: если тебя не попросить, ты скорей умрешь, чем сам догадаешься...

– Твой отец пошутил. Ты его, верно, не понял, – тихо, чуть слышно произнес Сары-ага.

– Нет, не пошутил!

Эти слова точно повисли в воздухе. Никто не смел нарушить установившейся тишины, все сидели понурив головы, испытывая не смущение – стыд. Тяжелый взгляд Нарлы, его крепко сжатые кулаки не сулили Мулькаману ничего хорошего. Не будь рядом отца, брат бы сразу на него набросился. Гюльрух-эдже, всхлипывая, принялась убирать посуду, собирать разбросанные по скатерти ложки. Первой, нарушив обычай, из-за дастархана поднялась Бахар, схватила сына за руку и выбежала с ним из кибитки.

На дворе снова шумел дождь.

Дождь и ураганный ветер обрушились на дерево. Шах-тут, как мог, противостоял их силе. Это было нелегко. С треском обломилась ветвь с начавшими распускаться почками. Еще денек – из них бы выпростались клейкие листочки.

Вода низвергалась с неба шумящим потоком. Ветви дерева принимали на себя первый удар, но защитить поросль не могли. По могучему стволу, по морщинам коры вода ручьями бежала вниз, к комлю, а оттуда пенистыми потоками растекалась вдоль корней. Лунки вокруг молодых деревцев вмиг наполнились ледяной влагой; вода без усилия углубила их, оголив самые корни саженцев. И новый порыв ветра легко повалил их.

А дождь все не переставал, лил, лил, как во время потопа.

Powestler